

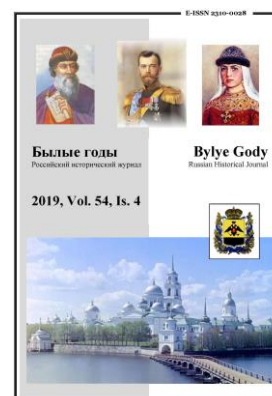
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1418-1428. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1418
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Porcelain and Faience in the Cultural Layer of the Town of Tara

Sergey F. Tataurov ^{a, b, *}, Fillip S. Tataurov ^{a, c}

^aNational Research Tomsk State University, Russian Federation

^bOmsk Laboratory of the Institute of Archeology, Ethnography and Museology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^cOmsk State Historical and Cultural Museum-Reserve "Siberian Olden Days", Russian Federation

Abstract

The material culture of the Siberian town inhabitants of the XVII – XIX centuries remains the subject of close scrutiny of historians, ethnographers and archaeologists, since the written sources that have reached us are scattered and do not fully reflect the features of the everyday life of the Siberian townspeople. The emergence of new sources, primarily archaeological, allows you to quite thoroughly reconstruct some episodes of the XVII–XIX centuries' urban life. One of such episodes is the spread of the tea drinking culture and the appearance of porcelain and glazed earthenware, to which this study is devoted, mainly on the collection of porcelain and faience from the excavations of the town of Tara.

The study aims to identify the main stages of the spread in Tara of porcelain and faience ware of Chinese and Russian production and associated tea drinking culture.

Appeal to different types of sources – archaeological, written, ethnographic – determines the interdisciplinary nature of the work. Comparative-historical, typological methods were used to compare the Tara collection with materials from other regions and detect the chronological groups of crockery.

The study results. The distribution pattern of porcelain and faience tableware in Siberia is determined, which is reflected in the history of Tara. Chinese products beginning to arrive on the Siberian markets in the end of the first third of the XVII century as elite, high-status goods, which practical significance is mediated. At the end of the XVII–XVIII centuries in connection with the spread of the tea drinking culture, Chinese crockery penetrates the middle strata of Siberian towns (mainly service people). In the XIX century Chinese porcelain is disappearing from the market; Russian porcelain and faience are widely used.

The chronological stages of the spreading of porcelain and faience ware in Tara are distinguished. Chinese porcelain was imported here from the first third of the 17th century until the beginning of the XIX century. Discovered archaeological material allows us to divide this period into three stages. The first is associated with porcelain of the "transition period" (1620–1680), the second refers to the reign of the Chinese emperor Kangxi (1662–1722) (the "green family"), the third – to the rule of emperors Yongzheng (1723–1736) and Qianlong (1736–1796) (the "pink family"). In the 1810s Chinese porcelain is being replaced by Russian products from numerous private enterprises, appeared on the basis of Gzhel folk crafts. In the 1830-1840s porcelain and faience production is flourishing in Russia, mainly due to the activities of the Kuznetsov industrial family. In the 1860s a new stage begins in the distribution of Russian porcelain and faience related to the emergence of local regional enterprises in Yekaterinburg and Irkutsk. The stage of the widespread production and distribution of Russian porcelain and faience ends with the October Revolution.

Thus, crockery, on the one hand, is one of the markers of social relations in a Russian Siberian city of the 17th – 19th centuries, on the other hand, it allows dating studied archaeological sites on which porcelain and faience were discovered (a significant role in this is played by the brands of manufacturers on some

* Corresponding author

E-mail addresses: tatsf2008@rambler.ru (S.F. Tataurov), fil_opossum@mail.ru (F.S. Tataurov)

fragments), and analyzing the involvement of Tara-town in the trade and economic relations of the Russian Empire.

Keywords: Western Siberia, XVII – XIX centuries, archeology of Russians, Chinese porcelain, tea trade, Russian porcelain and faience.

1. Введение

Первое знакомство жителей Тары с фарфоровой посудой и чаем случилось практически сразу после основания города, с приходом весной 1595 г. первого бухарского торгового каравана. Основание в подгорной части города Бухарской слободы означало появление группы населения с культурой чаепития. Такие же слободы появляются в начале XVII в. в Тобольске, Томске и других городах Западной Сибири. Для обеспечения потребностей их жителей чай в небольших количествах завозился в Западную Сибирь бухарскими купцами (*Этнография, 1981: 186*). С культурой чаепития неразрывно связана фарфоровая посуда, которую, судя по данным таможенных книг, начали поставлять на тарскую ярмарку в первой трети XVII в.; она фиксируется как предмет казенной торговли уже в 1630 г., цена доходила до двух рублей за предмет (*Вилков, 1990: 46-48*). Очевидно, что подобные вещи, прежде всего, выполняли престижную роль, выступали социально-маркирующим признаком.

Ситуация начинает постепенно изменяться с середины XVII в., когда по государственным указам стала развиваться казенная торговля с Китаем. Тарский боярский сын Иван Перфильев, в 1659 г. возглавивший одно из первых русских посольств в Китае, должен был не только передать грамоту царя Алексея Михайловича богдыхану, но и установить, какие именно товары найдут в Китае спрос. Прикупив на 750 руб. товаров и распродав их в Пекине, он реализовал в Москве китайских товаров на 1057 руб., принеся царскому двору 300 руб. чистой прибыли. Именно тогда были привезены на Русь первые десять пудов чая. Китай с середины XVII в. рассматривали как выгодный рынок сбыта сибирской пушнины и как поставщика шелка и чая (*Жиров, 2008: 167-168*). В состав этого посольства входили служилые люди Тары – охранники, переводчики, обслуживающий персонал, и, вероятно, они привезли с собой памятные подарки, в том числе и фарфоровые изделия. Но это были декоративные предметы, их общее количество в культурных слоях XVII в. в Таре сравнительно невелико. Несмотря на то, что происходило постоянное увеличение завоза чая в Россию, археологические материалы свидетельствуют об очень медленном распространении культуры чаепития. В подавляющем числе русское население, узнав этот напиток, не отдало ему предпочтения, продолжая пить традиционные для себя квасы, морсы, сбитни и др.

2. Материалы и методы

Археологические исследования в историческом центре одного из первых русских городов в Сибири – Таре, проводящиеся уже более десяти лет совместной экспедицией Омской лаборатории и ТГУ, дали представительные материалы по многим сторонам жизни тарчан за 420-летнюю историю города. Мощный культурный слой (2–4 м) позволяет проследить многие новации, которые происходили в жизни горожан, изменения в архитектуре, хозяйственных занятиях и бытовых условиях. Наше исследование посвящено находкам фарфоровой и фаянсовой посуды в культурных горизонтах города, развитию чайной торговли и распространению культуры чаепития в Таре, поскольку считаем, что данные процессы были взаимосвязаны. Культура чаепития требует специальной посуды для заваривания и питья чая. Если его еще можно заварить в горшочках или сливочниках, то для употребления напитка необходимы кружки, а их у тарчан не было: посуду для питья представляли исключительно деревянные ковши различных видов – детские, женские, мужские. Поэтому вместе с листьями чая в Тару, как и в другие города России, из Китая и Средней Азии пришли кружки и пиалы для питья.

Обращение к разным видам источников – археологическим, письменным, этнографическим – определяет междисциплинарный характер работы. Сравнительно-исторический, типологический методы использованы для сопоставления тарской коллекции с материалами других регионов и выделения хронологических групп посуды.

3. Результаты

В коллекции фрагментов фарфоровой посуды, полученной в ходе раскопок Тары, к самым ранним следует отнести предметы, найденные в стратиграфическом слое, который начал складываться на памятнике после мощного пожара 1669 г., в котором сгорел практически весь город. Обнаруженные фрагменты (*Рис. 1: 1–8*) можно отнести к китайскому фарфору так называемого «переходного периода» (1620–1680), связанного со сменой правящей династии Мин на Цин. Он характеризуется практикой заполнения всего сосуда узором, который усложнился и мог одновременно включать в себя разнообразные мотивы – геометрические, растительные, зооморфные (*Кравцова, 1999: 373*).

Рис. 1. Посуда XVII–XVIII вв. 1–8 – фрагменты китайского фарфора «переходного периода» (1620–1680); 9–19 – фрагменты китайского фарфора периода Канси (1662–1722); 20 – фрагмент китайского фарфора периода Юнчжэн (1723–1736); 21–24 – фрагменты китайского фарфора периода Цяньлун (1736–1796); 25–26 – фрагменты русской глиняной чайной посуды конца XVIII – начала XIX века

Больше всего находок китайского фарфора, сделанных при раскопках Тары, можно отнести к периоду правления императора Канси (1662–1722) (Рис. 1: 9–19). Цветовая гамма эмалей этого периода, кроме распространенных ранее синих и голубых цветов, начинает включать в себя зеленые тона разной насыщенности и оттенка, полученные на основе химических соединений меди (фарфор «зеленого семейства»). Для следующего периода Юнчжэн (1723–1736) (Рис. 1: 20) становится характерным появление розовых оттенков в цветовой гамме (Жущиховская, 2001: 40). В китайском фарфоре конца XVII – первой половины XVIII вв., обнаруженном в Таре, прослеживается общая для периодов Канси и Юнчжэн «живописная» линия росписи как в сюжетной основе, так и в технике; происходит дальнейшее усложнение комбинаторики орнамента (Кузьменко, 2009: 124).

Идентифицируется эта посуда по клеймам (Рис. 1: 9, 10, 13) и характерному узору (Рис. 1: 11, 12, 14–19). Высокое качество работы китайских мастеров проявляется в тонкости линий рисунка, обилии мелких деталей.

Несколько фрагментов фарфоровой посуды, отличных от описанных ранее по цветовой гамме и по особенностям оформления, было обнаружено в культурном слое второй половины XVIII в. (Рис. 1: 21–24). Вероятно, относятся они к периоду правления императора Цяньлун (1736–1796), когда получил расцвет фарфор «розового семейства», названный так за употребление в украшении сосудов глазури розового оттенка. В этот же период продолжается усложнение техники росписи (Кузьменко, 2009: 124).

Морфологический анализ коллекции китайского фарфора выявляет преобладание в обиходе у горожан пиал крупного размера, о чем говорит профилировка фрагментов и толстая придонная часть (Рис. 1: 1, 3, 9, 10, 11, 20). Найдена была лишь одна пиала небольшого размера, отличающаяся также ярким охристым цветом покрывающей ее глазури (Рис. 1: 24).

Во второй половине XVIII в. происходит изменение социальной структуры западносибирского русского общества, связанное с ликвидацией военной напряженности и изменением социального положения служилого населения, которое массово переводится в крестьянство (Крих, 2012: 136–144), и, соответственно, теряет прежний достаток и статус, уже не имея возможности приобретать дорогой китайский фарфор. Этот процесс совпал с началом периода упадка в фарфоровом производстве Китая, вызванном нестабильной экономической и политической обстановкой в государстве, ослабленном колониальными войнами с европейцами (Жущиховская, 2001: 41).

Тем не менее говорить о полном прекращении поступлений фарфора из Китая нельзя. У жителей города и окрестных деревень после упразднения казенной караванной торговли в 1762 г. появляется новый заработок, связанный с Китаем – извоз. Тарское купечество (Немчиновы, Пятковы, Щербаковы) по «Чайному пути» активно везло на восток пушнину и юфть, которая была необходима для упаковки чая, а обратно, помимо чая, – хлопчатобумажные ткани, шелк, сахар, табак, ревень. Товарным извозом занимались сотни тысяч людей, чаем загружали десятки тысяч подвод. Тарские извозчики купеческой кледи уходили после Нового года до Иркутска на саях, в пути их продавали, покупали телеги и уже с китайскими товарами «возвращались домой только к покосу» (Жиров, 2008: 175).

Несмотря на тяжелейшую многомесячную дорогу, попасть в обоз крестьянину или мещанину было большой удачей. При успешном возвращении извозчик на деньги с провоза мог заняться самостоятельной купеческой деятельностью. Жалованье обозных приказчиков было 300 руб., но общий доход только с одного обоза мог достигать до 20000 руб. Почти все тарские купцы прошли с обозами от Тары до Кяхты и обратно по несколько раз. Извозчик, если у него было несколько лошадей (2–4), зарабатывал за одну поездку несколько десятков, а то и сотен рублей (Жиров, 2008: 179–180).

Большой достаток с извоза отразился на уровне жизни притрактовых сибирских деревень, в культурном слое которых китайского фарфора найдено не меньше, чем в городах (Татауров, 2017: 835–840).

С середины XVIII в. российское общество, в том числе и сибирское, переходит на чай. Об этом свидетельствуют объемы ввозимого в Россию товара на многие миллионы рублей и появление чайных в российских городах. В Таре раскопан питейный дом в острожной части города, который отмечен на картах города 1768 г. (Татауров и др., 2018: 334–336). Показательно, что в слое XVIII в. преобладают штофы, а в слое XIX в. количество посуды под алкоголь уменьшается и заметно увеличивается количество чайной посуды.

К ней мы относим небольшие по размерам чернолощенные или покрытые зеленой поливой мисочки и керамические чайники (Рис. 1: 25–26). Основанием для этого служит то, что находки подобной посуды в других раскопах на территории города единичны, а здесь она представлена довольно многочисленным комплексом и стратиграфически располагается выше китайского фарфора и ниже российского фарфора и фаянса второй половины XIX в. Спрос на чай был высок, в условиях, когда поступления китайского фарфора сходят на нет, а аналогичная российская продукция в начале XIX в. немногочисленна, керамическая посуда была единственной альтернативой.

Показательно, что в материалах раскопок найдены две товарные пломбы московского торгового дома Перловых. Эта купеческая семья в 1787 г. открыла в Москве розничные чайные лавки, получившие прозвище «чайники». В XIX в. Перловы становятся крупнейшими чаоторговцами в России, их оптовые чайные склады располагались по всему пути из Кяхты до Москвы, в том числе и в Таре (Татауров, 2017: 107). Вполне допускаем, что Перловы могли инициировать открытие чайной в Таре своими компаньонами, но это направление будущих исследований.

В ходе раскопок рядом с территорией, где располагался питейный дом, зафиксированы нижние венцы большого сооружения площадью около 70 м с несколькими пристройками, которые, возможно, относятся к богадельне, известной в данном месте по планам города первой половины XIX в. и просуществовавшей до середины 60-х гг. XIX в. Обнаружено значительное количество кухонной и столовой посуды при практически полном отсутствии производственного инвентаря и

бытовых предметов. Следует отметить, что тарская богадельня содержалась за счет муниципалитета города и пожертвований горожан, прежде всего тарских купцов Немчиновых, Носковых, Щербаковых, Айтикиных, т.е. тех, кто специализировался на чайной торговле. По всей вероятности, именно они снабжали это учреждение всем необходимым, в том числе фарфоровой и фаянсовой посудой. Рассмотрим более подробно найденную в ходе раскопок коллекцию.

В начале XIX в. на рынки стал выходить фарфор русских промышленников. Их фабрики были немногочисленны. Стоит отметить завод Франца Гарднера, продукция которого в небольших количествах и в основном для высших слоев общества попадала в Западную Сибирь. Эта продукция зафиксирована в ходе раскопок Кузнецкого острога (Кауфман, 2008: 273-280). Лишь к 1830–1840-м гг. широкое распространение получают недорогие фарфор и фаянс, производимые на предприятиях, появившихся на базе народных промыслов Гжели (Салтыков, 1952: 71-72).

Самыми известными производителями фарфора и фаянса из числа гжельских промышленников стали Кузнецовы. В 1810–1820-х гг. кузнец Яков Кузнецов в деревне Новохаритоново Бронницкого уезда открывает фарфорово-фаянсовое производство. В своем начинании он опирался на местных мастеров, которые смогли быстро наладить производство типично гжельской продукции: чашек с блюдцами, тарелок «с бусом» по краю, полусферических полоскательниц, мелкой жанровой пластики. Предприятие было ориентировано на массовое производство недорогой продукции. Первый завод был небольшим: в 1845 г. на нем работало всего 45 рабочих (Салтыков, 1952: 80). Расширение Кузнецовского производства приходится на 1850-е гг., что было связано с увеличением рабочих и горнов на Новохаритоновском заводе, с открытием в 1832 г. завода в Дулеве, в 1843 г. – в Риге (Цуренко и др., 2010: 301).

Подлинного расцвета производство достигает при М.С. Кузнецове. При нем происходит улучшение качества продукции, активно заимствуется европейский опыт и технологии (Салтыков, 1952: 122). Происходит и дальнейшее увеличение количества предприятий. В 1851–1853 гг. приобретает завод Сафронова в деревне Короткая, в 1870 г. – Ауэрбаха в Тверской губернии, в 1871 г. начинает работу завод в Будах Харьковской губернии. В 1887 г. на базе этих предприятий сформировалось Товарищество, засвидетельствовавшее факт сложения у Кузнецовых крупного промышленного производства. Но и после этого Кузнецовское объединение продолжало расти. В 1891 г. в число Кузнецовских входит завод Гарднера, в 1892 г. – завод Славянский в Харьковской губернии, в 1911 г. – Товарищество Мальцевских заводов в деревне Песочная Жиздринского уезда Калужской губернии (Цуренко и др., 2010: 306-343). По объему задействованных ресурсов Кузнецовским заводам не было равных. Так, в 1884 г. на Дулевском заводе работало 1100 рабочих, на Тверском – 800 (Салтыков, 1952: 112-121), на Рижском – 1103 (Цуренко и др., 2010: 303).

Двоюродный брат М.С. Кузнецова, И.Е. Кузнецов, открывает в 1878–1898 гг. в Новгородской губернии три фабрики: в с. Бронницы, в с. Грузино и близ ст. Волхов – и тоже налаживает массовое производство фарфоровых изделий (Мусина, 1995: 40-41).

Тематика художественного оформления кузнецовской посуды была различной. На основе традиционной народной росписи были выработаны различные виды живописного декора, отразившие в своей стилистике убыстренный темп работы мастериц. В росписях присутствуют цветы, листья, растительный и геометрический орнамент (Рис. 2: 3, 4, 6–8), сценки из жизни (Агаркова и др., 1993: 32-37). Также активно использовались в украшении посуды европейские и восточные мотивы (Салтыков, 1952: 122). В частности, практика изготовления посуды в «английском стиле» фиксируется по находкам в культурном слое г. Тары (Рис. 2: 20–21). Именно английский фаянс еще с конца XVIII в. был признан эталоном «изделий повседневности», сочетающим в себе качество, практичность и изысканность, он дал толчок к развитию технологии производства русского фаянса в 1830–1840-х гг. (Тарлыгина, 2016: 123-127).

Рис. 2. Фрагменты российской фарфоровой и фаянсовой посуды Кузнецовских фабрик XIX – начала XX века

Заводы Кузнецовых были основным поставщиком фарфоровой посуды в Западную Сибирь в середине XIX – начале XX вв. Проследить характер распространения продукции можно не только по клеймам, но и по особенностям декоративного украшения посуды – этому способствовала стандартизация производства и его большой размах. Сопоставляя рисунки на фрагментах с клеймами, можно также определить время бытования того или иного орнамента.

В Тару в середине XIX – начале XX вв. поступала продукция практически со всех Кузнецовских мануфактур, функционирующих в этот период. Самое раннее клеймо завода С.Т. Кузнецова в Дулеве (1854–1864 гг.) было обнаружено на двух фрагментах (Рис. 2: 1). Клеймо завода М.С. Кузнецова в Дулеве обнаружено на 7 фрагментах, пять из которых относились к 1864–1872 гг. (Рис. 2: 2–3), два фрагмента – к периоду с 1872 г. по 1889 г. (Рис. 2: 11). По одному фрагменту с клеймом с заводов: Тверского (период 1870–1889 гг.) (Рис. 2: 9), Рижского (1890–1910 гг.) (Рис. 2: 15), Рыбинского (1894–1917 гг.) (Рис. 2: 10). Пятнадцать фрагментов с клеймами относятся к периоду функционирования «Товарищества М.С. Кузнецова», из которых десять фрагментов без указания места производства (период 1889–1917 гг.) (Рис. 2: 5, 19), а три фрагмента содержат клейма Дмитровского завода (1891–

1917 гг.) (Рис. 2: 12). Обнаружено также 16 фрагментов фарфор И.Е. Кузнецова, из них с клеймом Волховского завода (1900–1917 гг.) – 9 шт. (Рис. 2: 14, 16), Бронницкого завода – 4 шт. (1893–1917 гг. (Рис. 2: 17), Грузинского завода – 3 шт. (1900–1917 гг.) (Рис. 2: 13). Интересным представляется вдавленное клеймо М.С. Кузнецова на одном из фрагментов (Рис. 2: 18) – подобными маркировали предметы мелкой фаянсовой пластики.

Кроме кузнецовского фарфора и фаянса, в Таре обнаружена продукция других фабрик, в частности завода братьев Чекановых. Он был основан в 1846 г. в Екатеринбурге на р. Исеть, первоначально производил гончарную продукцию, затем также фаянс. В 1864 г. на нем работало всего 2 мастера и 8 рабочих, однако они выпускали до 67500 шт. посуды на сумму 1325 руб., что означает высокий спрос на данную продукцию на Урале и в Сибири. В начале XX в. на заводе произошла механизация, вырабатывалась посуда на 12000 руб. в год (Серебренников, 1926: 18). В культурном слое Тары встречено большое количество фрагментов фаянсовой посуды, производимой на Чекановской фабрике, они хорошо идентифицируются по характерному узору и особенностям художественного оформления, найден также один фрагмент с клеймом (Рис. 3: 10–13).

Рис. 3. Фрагменты российской фарфоровой и фаянсовой посуды. 1–13 – частных фарфоровых и фаянсовых предприятий Российской империи конца XIX – начала XX вв.; 14–22 – государственных фарфоровых заводов СССР XX в.

В коллекции тарского фаянса представлена продукция еще одной уральской фабрики – А.Ф. Шурова. Она основана в 1838 г. (по другим данным, в 1845 г.) при Уктусском заводе на р. Исеть московским купцом С.П. Афониним. От него фабрика перешла к наследнице – купчихе М.С. Шуровой и ее мужу, екатеринбургскому второй гильдии купцу А.Ф. Шурову (Павловский, 1975: 118). В 1894–1895 гг. на фабрике было занято 50 чел., в 1903 г. – 31 чел. (выработано изделий на сумму 13600 руб.), в 1909 г. – 40 чел. (Езиоранский, 1909: 554). В культурном слое Тары найден один фрагмент с клеймом и большое количество осколков тарелок с характерным декором (Рис. 3: 8–9). Следует отметить схожесть художественного оформления продукции уральских фабрик Чекановых и Шурова, что, возможно, объяснялось близкими личными отношениями, родственными и религиозными связями владельцев (Соколов, 2012: 147–149).

Кроме этого, встречено 4 фрагмента посуды с клеймами фабрики Куриновых. Она была основана в 1858 г. в деревне Речицы Бронницкого уезда, в кусте гжельских предприятий (Подмосковье), и оставалась в собственности семьи Куриновых до 1918 г. Работало на ней от 88 рабочих в 1871 г. до 185 в 1903 г. (Салтыков, 1952: 97). Обнаруженные клейма относятся к периоду 1900–1918 гг. (Рис. 3: 6, 7).

Два клейма на фрагментах принадлежат заводу Барминых. Основан в д. Фрязино Богородского уезда (также в кусте гжельских предприятий) в 1820 г., существовал до 1918 г. В 1856 г. на нем работало 34 рабочих, в 1876 г. – 504 (Салтыков, 1952: 87–88). Обнаруженные фрагменты с клеймами относятся к периоду 1878–1895 гг. (Рис. 3: 3).

Одним фрагментом с клеймом представлены:

– завод А.Л. Кисилева. Основан в деревне Речицы Бронницкого уезда в начале 1850-х гг. и закрылся примерно в 1860 г. Производил фарфор высокого качества (Салтыков, 1952: 84). Клеймо стояло на донце небольшой кружки, от которой также сохранились фрагменты стенки и венчика (Рис. 3: 1). В этом культурном горизонте также обнаружен венчик еще одной фарфоровой кружки сходной стилистики (Рис. 3: 2);

– заводы Марковых. Основаны в д. Коняшино Бронницкого уезда, первый – в 1830 г., второй – в 1840 г. Оба закрылись в 1890-е гг. Количество рабочих на заводах было примерно одинаковым: от 50–100 в 1871 г. до 350–400 в 1884 г. (Салтыков, 1952: 91). Найденный фрагмент относится к периоду 1859–1897 гг. (Рис. 3: 4);

– завод Щелкунова и Метелева. По сведениям А.Б. Салтыкова, фарфоровый завод был основан в 1869 г. близ станции Половина Сибирской ж.д. (Салтыков, 1952: 131). Однако станцией деревня Половинная стала только в 1902 г., кроме того, в 1869 г. Е.И. Метелеву было всего 4 года, и до вступления в 1900 г. в компанию с крупнейшим в Иркутской губернии фарфоровым заводчиком И.Д. Переваловым «Торговый дом Щелкунова и Метелева» занимался торговлей лесом, углем, мукой и мануфактурными товарами (Грызлова, 2018: 40). Вероятнее всего, обнаруженный фрагмент с клеймом относится к периоду 1911–1917 гг., когда В.И. Перевалов через четыре года после гибели отца (Грызлова, 2018: 40) передал фарфоровые заводы под непосредственное управление торговому дому Щелкунова и Метелева (Рис. 3: 5).

После революции 1917 г. все фарфоровые и фаянсовые предприятия были национализированы. Многие из них продолжили поставлять продукцию на сибирские рынки. Так, в культурном слое Тары найдены фрагменты фарфоровой посуды с клеймами Тверской госфабрики в Кузнецове (бывший Тверской завод М.С. Кузнецова) (период 1924–1927 гг.) (Рис. 3: 20); Завода им. Калинина в Конаково (также бывший Тверской завод М.С. Кузнецова) (одно клеймо периода 1934–1940 гг. (Рис. 3: 18), два – периода 1946–1954 гг. (Рис. 3: 21); еще одно – 1955 г. (Рис. 3: 17); Дмитровской фарфоровой фабрики в Вербилках (бывший Дмитровский завод М.С. Кузнецова) (период 1928–1936 гг.) (Рис. 3: 15); завода «Красный фарфорист» в Чудово (бывший Грузинский завод И.Е. Кузнецова) (1959 г.) (Рис. 3: 19); завода «Пролетарий» в Бронницах (бывший Бронницкий завод И.Е. Кузнецова) (период 1939–1945 гг.) (Рис. 3: 22); Дулевского фарфорового завода (бывший Дулевский завод Кузнецовых) (период 1952–1964 гг.) (Рис. 3: 16); Хайтинского фарфорового завода в Иркутске (бывший завод И.Д. Перевалова) (период 1954–1957 гг.) (Рис. 3: 14).

По морфологическому составу коллекции российского фарфора и фаянса второй половины XIX – начала XX вв. отличаются разнообразием форм (встречены, например, фрагменты фарфоровых статуэток). Фрагменты тарелок и блюдец составляют около 60 % коллекции, кружек – около 35 %, прочих изделий – около 5 %.

4. Заключение

Оценивая в целом коллекцию фарфора и фаянса из раскопок в Таре, можно отметить несколько значимых моментов.

Данная посуда иллюстрирует широту торговых отношений города от Китая до Бухары и до Балтийского моря, показывает определенную динамику приоритетности торговли от южного среднеазиатского направления в XVII в. к восточному китайскому в XVIII в. и к западному российскому в XIX в., что свидетельствует о постоянном укреплении внутриэкономических связей Российского государства.

Анализ данной категории находок позволяет воссоздать процесс распространения культуры чаепития в русском сибирском городе, его временные рамки и способствующие факторы. Это достаточно значимый момент в структуре питания населения, так как это привело к существенным изменениям как в температурном режиме принятия пищи, так и в ее рецептуре.

Большое число центров изготовления фарфоровой и фаянсовой посуды, зафиксированных в ходе обработки коллекции, позволяет говорить о мелкотоварном характере торговли в Таре, особенно в XIX в. Город, оказавшийся в стороне от транспортных путей, быстро потерял значение перевалочного пункта в чайной торговле и превратился в небольшой заштатный провинциальный городок. Но сохранившиеся торговые связи позволяли тарским купцам привозить в город товары из достаточно удаленных центров производства фарфора и фаянса.

5. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

- Агаркова и др., 1993 – Агаркова Г.Д., Астраханцева Т.Л., Петрова Н.С. Русский фарфор: Фотоальбом. М., 1993. 240 с.
- Вилков, 1990 – Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. Новосибирск, 1990. 308 с.
- Грызлова, 2018 – Грызлова А.А. Фарфорово-фаянсовое производство Иркутской губернии на примере коллекции фарфора XIX века из собрания Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева // *Культура и цивилизация*. 2018. Т. 8. № 1А. С. 34-42.
- Езиоранский, 1909 – Езиоранский Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. 1451 с.
- Жиров, 2008 – Жиров А.А. Если бы стены могли говорить...: очерки и статьи. Омск, 2008. 284 с.
- Жущиховская, 2001 – Жущиховская И.С. История керамики Восточной Азии. Владивосток, 2001. 108 с.
- Кауфман, 2008 – Кауфман Ю.Б. Коллекция керамики из обер-офицерского дома в Кузнецкой крепости // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2008. С. 273-280.
- Кравцова, 1999 – Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. 416 с.
- Крих, 2012 – Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX вв.). Омск, 2012. 295 с.
- Кузьменко, 2009 – Кузьменко Л.И. Китайский фарфор XVII–XVIII веков. М., 2009. 197 с.
- Мусина, 1995 – Мусина Р.Р. Марки российского фарфора (1744–1917). М., 1995. 80 с.
- Павловский, 1975 – Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. 132 с.
- Салтыков, 1952 – Салтыков А.Б. Русская керамика XVIII–XIX веков. М., 1952. 272 с.
- Серебренников, 1926 – Серебренников Н.Н. Уральский фарфор и фаянс XIX в. Пермь, 1926. 27 с.
- Соколов, 2012 – Соколов В.А. Старообрядцы деревни Костино: потребность в перемене мест // *Мецера-край: Альманах по истории и культуре Мецерского края*. М., 2012. Вып. 2. С. 139-205.
- Тарлыгина, 2016 – Тарлыгина Д. Английский фаянс в России в XVIII–XIX веках // *Третьяковская галерея*. 2016. № 2 (51). С. 122-145.
- Татауров, 2017 – Татауров С.Ф. Археологические свидетельства торговых отношений в г. Таре в XVII–XIX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 46. С. 103-109.
- Татауров и др., 2018 – Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Исследования в историческом центре города Тары в 2017 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2018. Т. XIX. С. 334-336.
- Татауров, 2017 – Татауров Ф.С. Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII – первой половины XVIII вв. // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Т. 2. Казань; Кишинев, 2017. С. 835-841.
- Цуренко и др., 2010 – Цуренко И.Г., Насонова И.С., Насонов С.М. Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания. М., 2010. 510 с.
- Этнография, 1981 – Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. / Отв. ред. В.А. Александров. М., 1981. 270 с.

References

- Agarkova et al., 1993 – Agarkova G.D., Astrakhandtseva T.L., Petrova N.S. (1993). Russkii farfor: Fotoal'bom [Russian porcelain: photo album]. M., 240 p.
- Etnografiya, 1981 – Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri. XVII – seredina XIX vv. [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia. XVII – mid XIX centuries]. Otv. red. V.A. Aleksandrov. M., 1981. 270 p.
- Ezioranskii, 1909 – Ezioranskii L.K. (1909). Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiiskoi imperii [Factory enterprises of the Russian Empire]. SPb, 1451 p.

Gryzlova, 2018 – Gryzlova A.A. (2018). Farforovo-fayansovoe proizvodstvo irkutskoi gubernii na primere kolleksii farfora XIX veka iz sobraniya Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya im. V.P. Sukacheva [Porcelain and faience production of the Irkutsk province on the example of the collection of porcelain of the XIX century from the collection of the Irkutsk Regional Art Museum named after V.P. Sukachev]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. Vol. 8. № 1A. pp. 34-42.

Kaufman, 2008 – Kaufman Yu.B. (2008). Kolleksiya keramiki iz ober-ofiterskogo doma v Kuznetskoi kreposti [A collection of ceramics from the chief officer's house in the Kuznetsk fortress]. *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, pp. 273-280.

Kravtsova, 1999 – Kravtsova M.E. (1999). Istoriya kul'tury Kitaya [The history of Chinese culture]. SPb, 416 p.

Krikh, 2012 – Krikh A.A. (2012). Etnicheskaya istoriya russkogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XVII–XX vv.) [The ethnic history of the Russian population of the Middle Irtysh region (17–20 centuries)]. Omsk, 295 p.

Kuz'menko, 2009 – Kuz'menko L.I. (2009). Kitaiskii farfor XVII–XVIII vekov [Chinese porcelain of the 17th – 18th centuries]. M., 197 p.

Musina, 1995 – Musina R.R. (1995). Marki rossiiskogo farfora (1744–1917) [Stamps of Russian porcelain (1744–1917)]. M., 80 p.

Pavlovskii, 1975 – Pavlovskii B.V. (1975). Dekorativno-prikladnoe iskusstvo promyshlennogo Urala [Decorative and applied art of the industrial Urals]. M., 132 p.

Saltykov, 1952 – Saltykov A.B. (1952). Russkaya keramika XVIII–XIX veka [Russian ceramics of the 18th – 19th centuries]. M., 272 p.

Serebrennikov, 1926 – Serebrennikov N.N. (1926). Ural'skii farfor i fayans XIX v. [Ural porcelain and faience of the XIX century]. Perm', 27 p.

Sokolov, 2012 – Sokolov V.A. (2012). Staroobryadtsy derevni Kostino: potrebnost' v peremene mest [Old Believers of the village of Kostino: the need for a change of place]. *Meshchera-krai: Al'manakh po istorii i kul'ture Meshcherskogo kraya*. M., Is. 2. pp. 139-205.

Tarlygina, 2016 – Tarlygina D. (2016). Angliiskii fayans v Rossii v XVIII-XIX vekakh [English faience in Russia in the XVIII-XIX centuries]. *Tret'yakovskaya galereya*. № 2 (51). pp. 122-145.

Tataurov, 2017 – Tataurov F.S. (2017). Kitaiskii farfor s russkikh pamyatnikov Srednego Priirtysh'ya XVII – pervoi poloviny XVIII v. [Chinese Porcelain from Russian Sites of the Middle Irtysh in 17th – First Half of the 18th Centuries]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII v*. Vol. 2. Kazan'; Kishinev, pp. 835-841.

Tataurov i dr., 2018 – Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. (2018). Issledovaniya v istoricheskom tsentre goroda Tary v 2017 godu [Research in the historical center of Tara city in 2017]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, Vol. XIX. pp. 334-336.

Tataurov, 2017 – Tataurov S.F. (2017). Arkheologicheskie svidetel'stva torgovykh otnoshenii v g. Tare v XVII–XIX vv. [Archaeological evidence of trade relations of the Tara city in the XVII – XIX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 46. pp. 103-109.

Tsurenko i dr., 2010 – Tsurenko I.G., Nasonova I.S., Nasonov S.M. (2010). Russkii fayans i farfor. Imperiya Kuznetsovykh i Konakovo. Iz chastnogo sobraniya [Russian faience and porcelain. Empire Kuznetsov and Konakovo. From a private collection]. M., 510 p.

Vilkov, 1990 – Vilkov O.N. (1990). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII vv. [Essays on social-economic development of Siberia in the late XVI – early XVIII centuries]. Novosibirsk, 308 p.

Zhirov, 2008 – Zhirov A.A. (2008). Esli by steny mogli govorit'...: ocherki i stat'i [If the walls could speak ...: essays and articles]. Omsk, 284 p.

Zhushchikhovskaya, 2001 – Zhushchikhovskaya I.S. (2001). Istoriya keramiki Vostochnoi Azii [History of East Asian Ceramics]. Vladivostok, 108 p.

Фарфор и фаянс в культурном слое города Тары

Сергей Филиппович Татауров^{a, b, *}, Филипп Сергеевич Татауров^{a, c}

^a Лаборатория археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета, Российская Федерация

^b Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Российская Федерация

^c Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская», Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatsf2008@rambler.ru (С.Ф. Татауров), fil_opossum@mail.ru (Ф.С. Татауров)

Аннотация. Археологические исследования первых русских городов в Сибири, получившие свое развитие в XXI веке, с каждым годом предоставляют материалы, позволяющие восстановить многие моменты жизни их населения в XVII–XVIII веках. Одному из таких интереснейших эпизодов, а именно распространению культуры чаепития и появлению у населения фарфоровой и фаянсовой посуды, посвящено данное исследование. В нем рассматривается коллекция фарфора и фаянса, полученная в ходе раскопок исторического центра города Тары в 2007–2018 годах. Анализ данных изделий дает возможность восстановить основные этапы появления в городе сначала китайского, позднее и русского фарфора. Наличие клейм на посуде позволяет определить основных производителей и объемы поступающей в Западную Сибирь посуды. Проведенное исследование позволяет примерно определить время перехода населения на употребление чая – это XVIII век, тогда же в российских городах появляются чайные. В этот период производство фарфора и фаянса в России было направлено в основном на удовлетворение нужд императорской семьи и представителей высших слоев дворянства. Широкие слои населения использовали в обиходе глиняную посуду, но в XIX в. в государстве возникает острая необходимость в производстве массового фарфора и фаянса. Эту задачу начинают реализовывать частные предприятия, появившиеся на основе народных промыслов Гжели. В 1830–1840 гг. происходит расцвет фарфорово-фаянсового производства. В дальнейшем в некоторых регионах (Екатеринбург, Иркутск) появляются собственные центры изготовления подобных изделий, в Европейской части России крупнейшими производителями фарфора и фаянса становятся предприятия семьи Кузнецовых. Все эти процессы фиксируются по результатам археологических исследований, идентифицировать многообразие производителей помогают сохранившиеся на посуде клейма. Это позволяет как датировать изученные археологические объекты, на которых был обнаружен фарфор и фаянс, так и проанализировать вовлеченность г. Тары в торгово-экономические отношения Российской империи.

Ключевые слова: Западная Сибирь, XVII–XIX вв., археология русских, китайский фарфор, чайная торговля, российский фарфор и фаянс.